

ПОЭТЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЧТЕНИЙ

«ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Гоша Буренин

**ЛУНА ЛУНА
И ЕЩЁ НЕМНОГО**

**Москва
ЛитГОСТ
2021**

УДК 821.161.1
ББК 84
Б91

*В оформлении обложки
использован рисунок Гоши Буренина 1983 года (акварель)*

Б91 Буренин Гоша

луна луна и ещё немного // Гоша Буренин. — М.: ЛитГОСТ, 2021. — 96 с. — (Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»).

ISBN 978-5-6046675-4-5

Гоша (Игорь) Буренин (1959–1995) — поэт, архитектор, художник. Яркий представитель львовской школы. В настоящее издание вошли стихи, составившие первый посмертный сборник Буренина «луна луна» (М.: «Запасный Выход», 2005) и найденные позже в архивах. «Вероятность того, что эта книга изменит мир к лучшему, близка к нулю. Но без этой книги — такой вероятности не будет вовсе» (Борис Бергер, издатель первой книги Буренина).

ISBN 978-5-6046675-4-5

© Буренин Гоша, наследники, 2021
© Фарб И., дизайн обложки, 2021
© ЛитГОСТ, макет, 2021

Вот основные факты биографии поэта, мало что значащие сами по себе: «родился-учился-женится-развёлся-умер», — однако необходимые для понимания контекста, среза, годового кольца, с каждым днём всё глубже уходящего в толщу наползающего на всех нас времени.

Игорь (Гоша) Буренин родился 22 февраля 1959 в г. Лихене, Германия. Отец — Юрий Петрович Буренин, полковник, танкист, мать — Роза Соломоновна, по образованию — историк, работала заведующей школьной библиотекой. Родители развелись, когда сыну было 16 лет.

Гоша закончил архитектурный факультет Львовского политехнического института, где учился в 1976–1981 гг. По словам друзей, был блестяще образован; в 1980-м году женился на Оксане Данилюк (Ксения Агалли — творческий псевдоним). Работал полгода в проектно бюро Львовского лесотехнического института, был уволен по сокращению штатов. Затем работал художником-оформителем в театре Бориса Озерова, иногда делал иллюстрации для газет.

С 1985 по 1986 год жил в Ленинграде, затем, с конца 1980-х гг., — в Ростове-на-Дону.

«Мы с Гошей расстались, не умея ничего поделаться с собой и друг с другом, он стал пить уже совсем страшно, я вернулась во Львов. Всё распалось, в общем» (Ксения Агалли, из письма).

Ксения АГАЛЛИ

Гоша Буренин родился архитектором, учился на архитектора, жил как архитектор и, смею надеяться, перед смертью не успел до конца развоплотиться и сохранил в крови — или хотя бы в сукровице — умение разглядеть в наружном веществе арки и колонны, капители и фронтоны и пригвоздить их к плоской белой поверхности, обвести тонким пером с тушью, чтобы и мы, слабовидящие, заметили и восхитились. Когда не стало пера и туши, когда отобрали пергулы и карнизы, Гоша стал — хотя всегда им был — художником и начал всё больше рисовать и всё меньше чертить. И так, знаете ли, удачно, что его работы норовили прикарманить все, кто мог, — от галерейщиков и организаторов выставок до почтенных психиатров, убелённых должностями, званиями и сединами. Не будем винить Гошу за то, что это его огорчило (а вы думали — обрадовало?), — настолько, что он отвернулся от бумаги для рисования и обратился к машинке для печатания, решив подчинить и взнудать слово так же бережно и так же безукоризненно, как он до этого поступил с линией и цветом, плоскостью, пропастью, воздухом и вздохом. Для этого пришлось разъять себя на молекулы и воздвигнуть заново. Не его вина, что конструкция получилась хрупкой и не очень долговечной, — она оказалась не менее плодоносной и щедрой, чем предыдущая. Просто быстро кончилась. Перед вами некоторая часть того, что осталось от неё — вместо неё — из неё.

НА ДНЕ ЯЗЫКА

Когда думаешь о судьбе нашего поколения (то есть тех, кто родился приблизительно между 1957 и 1967 годами и начал писать в первой половине и середине 1980-х), поражаешься тому, насколько мы были разобщены, разделены на несообщающиеся группы. У семидесятников была общая «вторая культура» — в Ленинграде; но и в Москве метареалисты, «Московское время» и концептуалисты спорили друг с другом и, следовательно, друг друга видели. Мы не видели своих сверстников, часто не знали о них.

Конечно, нам мешала география, не преодолимая тогдашними средствами (могут ли понять это люди эпохи интернета?). Но львовяне Сергей Дмитриевский и Игорь Буренин мелькнули в Ленинграде. И всё же мы, группа «Камера хранения», их не оценили, не признали «своими». Хотя тот же Дмитриевский находился буквально на расстоянии вытянутой руки — в театре Бориса Понизовского. Олег Юрьев жалел о несостоявшемся диалоге, о непонимании, недооценке. У меня было ещё хуже: я, несомненно, Дмитриевского не раз видел (я часто бывал у Понизовского дома и в театре) и — просто не запомнил его. Мог я видеть и Буренина, и тоже не запомнил встречу, если она была. Львовяне проплыли через наш город и через нас — один в Израиль, второй в Ростов, и оба умерли молодыми. Петербург остался в них, но они в Петербурге не остались — ни живые, ни памятью или мифом.

Но всё-таки — почему Львов?

Во Львове и сейчас есть поэзия на русском языке, и это тем более удивительно, что для большинства горожан этот язык и в советское время был иностранным. Но это — особый опыт, принципиально отличный от харьковского и даже киевского.

Постоянная погружённость в стихию иной (близкородственной) речи позволяет, вероятно, услышать скрытые ходы собственной. Центральноевропейское (австрийское) имперское наследие актуализирует соответствующие области русской культуры. Львов породил Соснору.

Но чем был этот опыт для Буренина и Дмитровского? Как переживали дарованное им судьбой наследие они? В стихах Буренина Львова, кажется, нет. Петербург есть, но тоже не так много. Можно было бы, пожалуй — по темпераменту — даже не зная, сказать, что автор южанин. Нетрудно отследить украинизмы («мой близнец — божевольная Золушка»), но что это даёт? Много ли объединяет Буренина с уроженцем Восточной Украины Парщиковым? С выпестованным Винницей Драгомыщенко? А с львовянином Ильёй Кутиком?

С ориентацией во времени ещё сложнее. За плечами у молодых поэтов начала 1980-х была работа двух поколений, которые выработали и изощрили язык, но и снабдили его готовыми ходами (и велик соблазн этими ходами следовать). Знание этого наследия и этих ходов у одних авторов и групп было большим, у других меньшим (особенно у провинциалов), но где его не было, там были наготове стандартные приёмы и расхожие стили «печатной» советской поэзии.

Так вот — стихи Игоря Буренина создают совершенно уникальное впечатление (отличаясь в этом смысле даже от Дмитровского). Эти стихи написаны так, будто всей модернистской поэтической работы с середины 1960-х почти не было. Но нет и не было и советской поэзии — ни «интеллигентной», ни «средней», ни низовой. Эти стихи кажутся стихами какого-то (очень талантливого!) сверстника Станислава Красовицкого или Рольфа Мандельштама. Что у него есть? Пребывающее в хаотическом состоянии наследие условного Серебряного Века («первого модернизма»), русский язык, личный талант и слух. Но те помехи, которые стояли на пути Красовицкого или несчастного Рольфа, исчезли. Я имею в виду лезущий в (иногда прекрасные) стихи первого мёртвый шестидесятнический сленг — и ещё более мёртвые красоты (вычитанные из случайных «декадентских» книжек) у второго. Это (на первый взгляд) единственное, что усвоено из работы двух старших поколений, — не появление путей, а исчезновение препятствия: залежей мёртвых слов.

Но что же получается в итоге? Вот что:

*немые скопища времён
скупые вольностью повторы
молчаний где, считай, имён:
престолы зимы да просторы*

*так мох ежом закатан в шар —
его не растолкует лето
не расколотит — и ветшать
колючка тащится по ветру*

Или:

*какая сила в нас нежна
родные сны отнять у крика
увидеть руку гладить руку —
такая долгая наука
моим глазам в тебя открытым
твоим глазам обнажена*

*и собирая дни в разлуку
ты та же нежность но княжна —
взгляни! как низко мел безликий
вглядись в кольцо с плывущим бликом —
и видишь: беглая луна
в колодец валится без звука*

Это далеко не самые удачные стихи Буренина. Но очень характерные — бескомпромиссным погружением в языковой хаос, на дно языка, пренебрежением внепоэтическими, бытовыми связями и конструкциями. Но что дальше?

Дальше художественная логика требует установления новых связей, выхода к иному, не бытовому, не житейскому высказыванию, создания внутренней структуры. И вот тут уже начинается выбор пути.

Что обращает на себя внимание у Буренина — это почти полное отсутствие человечески-личностного, житейски-персональ-

ного начала (как на уровне индивидуальных «чувств и мыслей», так и на уровне мотивов). Что сближает его с тогдашней поэтикой авторов «Камеры хранения» (при совершенно ином стадильном и типологическом состоянии поэтического языка: даже и признаков нет той полной осознанности, не-спонтанности, которая для «камеристов» даже не была вопросом выбора).

Не всегда, конечно. Вот здесь — доподлинная (но сказочная, магическая, остранинная) конкретность детства офицерского сына:

*хлеб зацвёл; черствеи шинели
лица скомканные спящих
я ревел; солдаты ели;
дождь шипел в угольной чаще
где протяжный лось дубами
плотный лоб чесал под пулю
заскучавших караульных;
танк урчал и пела баня*

*я слепой иглой еловой
ящериц на камне трогал
и проснувшись — злой, блестящий, —
красный зев казал мне ящер*

Или вот такой материально-плотный пейзаж (конкретную вещьественность легче привязать к биографии, не так ли?):

*южнее речи — лень и блажь:
где осы бьются в лёгкой склоке
да вишен важная картель,
где соты носят в целлофане,
в корзинах шерсть, в кувшинах лёд, —
и сети вешают на шест
пушистые от соли дети.*

Что это — Кавказ? Ростов, где поэт нашёл пристанище? Неопределённость адреса задана определённостью: эти места южнее речи. Это — единственные координаты, ибо, несмо-

тря на видимую пастернаковскую вещественность, речь (по хлебниковски) только и реальна.

Переживается (как в первый раз прочувствованный) синтаксис, его потенциально-возможные и ненамеренно-сложные ходы. Хаотически соединяются определяемые и определители.

Из этого всё и рождается. Внутри речи самое главное и происходит. Точнее — это происходит в речи о речи, в самосознании языка. Если происходит. Если та структура речи, о которой мы говорили, выстраивается, если мир обретает себя, обретает субъектность:

*вся эта хриплая примесь песка в позолоте
жадный расплав чешуи языка в языке —
мира хоть каплю! и время вдохнуть в повороте
чайных стрекоз забывая трещать в кулаке*

*чур! это время моё отражаться в лиманах
щучьим сачком воровать по углам глубину:
чуешь? дрожат древовидные страшные мальвы
свежий побег выпуская царапать луну*

Пожалуй, самое впечатляющее в стихах Буренина — это та внутренняя ярость, напряжённое злое желание, которое их пронизывает. Что это за желание? Может быть, это отчаянная тяга путника, пустившегося напролом через дикие леса и топи языка и увязшего в них, выбраться наружу. Притом что через лес он пошёл вполне добровольно. Были нетрудные обходные пути, и вряд ли он не знал о них.

Тут, наверное, законы жанра требуют написать о том, что «несмотря на всё, поэт смог...», — объявить о победе по ту сторону поражения. Но не выходит. Не было этой победы, чего уж там. Сам объём наследия Буренина — сорок девять собранных автором текстов, некоторые из которых обрывочны¹, — косвенное свидетельство неуверенности в успехе. И тут

¹ Эти тексты составили сборник «луна луна», вышедший в 2005 году в издательстве «Запасный выход», и были доступны к моменту написания предисловия; тексты, найденные в процессе работы над настоящим изданием в архиве Ксении Агалли, вошли в раздел «ещё немного».

можно (в противовес всему прозвучавшему выше) сказать одно: иногда *неуспех* — ценнее и почётнее.

Успехом же (ситуативным) в случае Буренина оказывается внезапное появление с опозданием на двадцать лет ещё одного поэта склада и типа совсем ранних Бродского и Аронсона. Вот как звучит его голос:

*...научи меня, август, морочить погоню,
выбирая тропу в муравьиную сеть, —
в капиллярную мглу, сквозь дозорную цепь
кроветворных осок и височных смородин, —
по молочным кругам уводи меня к броду,
где в тумане и лай захлебнётся висеть.*

*ангел, родинка, свет, — им уже не прочесть,
я сыпучие буквы растряс, перепутал, —
дно откроется днём — нам останется купол,
но опасней, древесней коня и небес
он под утро во всём, где озноб, где он весь:
так укрой — покоряя, карай, — но укутай...*

Как раз мотив и образ августа (от раннего «Павловска» до великих зрелых стихов — «ещё не август, но уже...») — был наследием, полученным Аронсоном от Красовицкого. И о значении этого символа стоит подумать. Именно август легче всего наполняется листвой, коньями, насекомыми: такой неоромантический московско-ленинградский хронотоп 60-х. Но вот мы слышим его неожиданно интересное эхо двадцать лет спустя...

Русская поэзия второй половины XX века богата именами, и не только же в том задача, чтобы добавить к ним ещё одно. Есть несколько удачных стихотворений, есть их рано умерший автор, — едва ли констатация этого факта что-то изменит в мире за пределами воображаемой картотеки историка литературы. Но в судьбе Буренина есть нечто значительное и волнующее. Он попытался пройти в одиночку уже прожитое и нажитое культурой, не пользуясь ничем закристаллизовавшимся. Это не будет забыто.

луна луна

* * *

хлеб зацвёл; черствеи шинели
лица скомканные спящих
я ревел; солдаты ели;
дождь шипел в угольной чаще
где протяжный лось дубами
плотный лоб чесал под пулю
заскучавших караульных;
танк урчал и пела баня

я слепой иглой еловой
ящериц на камне трогал
и проснувшись — злой, блестящий, —
красный зев казал мне ящер

1982

* * *

южнее речи — лень и блажь:
где осы бьются в лёгкой склоке
да вишен важная картель,
где соты носят в целлофане,
в корзинах шерсть, в кувшинах лёд, —
овечий клочок в хурме пасётся,
и сети вешают на шест
пушистые от соли дети.

Июнь 1983

* * *

рыча в свечу летаю, обручая
Елену — сну, жену — своей руке,
июльской келье, прячущей в рядно
пустых головок прелое бренчанье,

где я, взмывающий, ручаюсь, что не сплю,
когда земля, прохладная, как дно,
прозрачнее и сумеречней неба,
когда:

стрекало тонкое, заноза, жалость, лёд, —
латая радужку, костры пришпилив к небу,
до осени ночует пастухами,
что гонят пчёл сквозь выдержанный мёд

до осени, пока не станет зим...

стальные дни заклинивают рёбра
в игольный год, — в ничейное звено,
как люд в кино, проходят караваны,
и даже мы верблюдами одеты.

Июнь 1983

* * *

Я, приглашённый лесом полежать
в степях травы, в цветке от камня слова,
люблю тела улиток сквозь остовы
ореховых доспехов, чту ежа
и день пою, в который отмель взгорья
густа везучей живностью небес;
у озера, зерцающего лес,
легко найти кипучие основы
и путь цветка — в спирали смятых трав,
меня — в частице вымученной формы:
и каменные, мутные грифоны
черту оседлости выводят, как устав.

1983

* * *

Не сон — отвязанная явь
светла далёких нас губами,
околицы сшибая лбами
на перепутьях, не щадя...

Ещё язвительно шутя —
и сколь губительно! — над нами,
столицу Смуты поднимала
семью холмами на дождях,
но, отсмеявшись, обнимала.

Но вот: уснувшее дитя —
всем целовальная приманка —
да мутных расстояний арка
и, перекрёстно, тополя
в ряду горячечных подарков —
и мы, прижавшиеся к нам.

* * *

Я сказал: «нам присущая тяга
к путешествиям — нас же роднит.
Нас же губит в сквозных передрыгах —
путевой, кровеносный магнит».

И посыпались дни, как награды, —
звон такой, что катились огни
до Ростова, скакали ограды,
танцевали и плакали пни.
Ты сказала: «везущие свойства
автокрасного цвета ясны...»
Горы дёрнулись за спину косо,
обнажая подборьем десны
коронованный ямбом приборя
кругловатый кусочек морей:
катер морщился, ёжились двое
и ступали, куда поскорей...

.....

Мы шагнули, оставив Джанхот,
шашлыки, королевство привала.
Я аукнул — вдохнулось легко! —
ты откликнулась мне с перевала, —
оглянулся я, вынырнул в шторм,
обернулся — и выудил рыбу
(впрочем, рыба казалась плодом),
и солгал, только так, чтоб не слышал
и не видел никто, как солгал:

«мы объёмные, мы уже дышим
многомерностью времени скал...» —

так придумал, ещё не расслышав,
что, свернув мимо взлётных и станций,
в тёмных спайках дорожных колец
перепутались дети с пространством
возле речки Казённый Торец...

Сентябрь 1982

* * *

От пыльных рельефов, жары и вина
нас дождь отсекал, обнажая в сплетеньях
бичующий недуг, — и плакали дети,
и тени скрепляли, слепившись от сна...

В чешуйчатый бок геленджикского дна
два тёплых тюленя уткнулись под нами —
мыплыли и, сонно сближая колени,
смуглели ночами, к утру — пополам.

Сентябрь 1982

петрополь

I

Твой брат, Петрополь, умирает.

О. Мандельштам

когда по воде загудело заныло подводно —
оглохло зверьё и распалась река в островах
за тысячу лун раскатила стучать по болотам
над плахами пней поднимаемая колючий оскал

над планом камней колокольню кивая в пролётах
гуляла рука удлинённая низкой свечой —
срывались глаза в распалённую невидаль флота —
и пред образами при глиняной трубочке чёрт!

причуда и разум, причалы и гости в колодках
науки и ворвань и волглая тошная гарь:
что бури, петрополь, — когда изнутри заколотит
твоей лихорадкой булыжник и вилы в стогах

что отмель когда по отливу разбросаны лоты —
твои острова — узелки набухающих вен —
но злой глубины что рвала перепонки полотен
очнувшись уже не достигнет нырлящик-рассвет

Июль 1983

II

немые скопища времён
скупые вольностью повторы
молчаний где, считай, имён:
престолы зимы да просторы

так мох ежом закатан в шар —
его не растолкует лето
не расколотит — и ветшать
колючка тащится по ветру

но свистнешь — вывалится слой:
столетье, колкая лепёшка —
и штукатуры ладят строй
шлепками извести из ложки

так до потопа — по весне
где обрывает сходни север —
толкни булыжник! боль в десне
качнёт дома запахнет серой —

над хлястом волн свистит луна
и всадник глядя швы на меди
шершавой лестью валуна
клянёт мундир и просит денег

1982–1983

* * *

не еловника мажоры —
всё терновых жал тюрьма
да крыжовник уголовный
столь понятный для ежа

Январь 1983

* * *

дождь и дождь: двоеликая нянька —
тяжело награждает вода
по разбухшим стегая садам —
в пору августа кожу меняем

впору слепнуть как слепнут стада
в двуязыком граничном тумане —
связь кровей в известковом дурмане
в голубиной возне разгадав

я ныряю; ты взглядом и точкой
беспокойна — то ластишься, дочка,
и два голоса пробуешь вместе

то всплываешь по влажной коре
в молоке где шевелятся тесно
листовидные ласты дерев

1983

* * *

на дне языка в голубиных потёмках живого —
за земли ушедшей под воду голодной низины
отдавший и вязкую спелость инжира в корзинах
и сизый в глубоком глотке голубеющий воздух —

по локоть навеки в капканах слепой ежевики
родимых ежей пересчитывать — бывшая воля —
но выдрать из гнёзд позвонков где живое нервозно
первину от имени, ткань известковязыких

в тени языка за раскованной косностью нёба —
гортанные дыры и чёрные сквозь ножевые —
какие миры вырезают дороги кривые
из круга камней и крапив перепонок и рёбер!

какие места! мы здесь чудом на дне побелевшем:
помёт на уступах и в корни ушедшая речка
и с миром совпавшие в сумерках — русло и рельсы
картина горы и гора над серпом побережья

* * *

оса мой свет — наш сонный склон цветёт...

1983

* * *

оса мой свет — наш сонный цвет густеет...

1983

* * *

оса мой свет — наш сонный цвет склонён.

1983

* * *

осень ранняя всегда —
по пустым объёмам света
дни гуляют все в трудах
все в царапинах от веток;
в рамках вынутого лета
целовальная слюда —
мы проснёмся: но — когда?
вечер, бабочка, вода...

время, девочка, столетник...
ты земля сама в ответах
тёмный шелест — внятней в детях
в сладко связанных рядах:
мокрый воздух мёрзлый птах...
понимаешь? всё как лепет
повторяемый и так:
о с е н ь л а с к о в а я л е т а

1985 (?)

САДУ

всё настоящее — терпко;
я не забуду: шум, оса...
ты в складках дня и в стёклах ветра
земля в обводах колеса
где подобающее лето
подаришь — бесконечный сад! —
свои бинтованные слепки
снимая с выпуклого сна

сады притянутые к ушку —
шепни: и г о р л и ц а к р е к е
я помню: ты на полудушы
качал цветы и серп летел
забыв запрет по-над макушкой —
но вот рука и дань руке —
ручное ящерка зверушка
и свет что вдруг и вдалеке

* * *

зёрна в глине как память початка —
затекающих дёсен зима
где тебя не хватает — ты там
где на оттиске полость и тьма
и луна на незрячей сетчатке

где отчётливо выпуклый март
или хрупкая рек распечатка —
эти зёрна и клинья брусчатки
и шершавых объятий дома

память клеточна сетчата в лунках
или просто не сходит с ума
что сегодня зима в переулках

что ладошка теплея сама
пять горошин оставила гулких

* * *

голод на ощупь — кожа
и пустота глазам
с мощной лепниной ложной
как голоса голоса

рожениц гордых гложет
что небеса небеса
так в кровавых тазах
голод мужей отложен

что отлагаясь в нас
беглым солёным настом
станет луна луна

шесть повитух у пространства
и пуповина глаз

* * *

успокойте дрожащее вече
голубей перекрёстков и звёзд
эти вести со снегом вразнос:
целый день разговоры и вечер
что ни вечер зима и вопрос

ой, бурсаче — пока ты беспечен
кто-то киеву веко поднёс
а у питера зубы как трость
и витийская поступь увечных

успокойте меня что обещан
хоть один рукавичный приют —
одному — между снегом и речью

между богом и снегом — кому
тот январь что не страшен и вечно?

* * *

кто бы почуял? тогда и за чайную мерку
выкупил кровь да расправил бы сбитый ледок —
нежная корочка века налипла досмертно
нервная кожаца света дрожащий садок

завтра ли завтра — уже пятаками навекат —
слово и слово держать что больное стекло:
входишь-выходишь метелишь осадок в корыте
всё остаётся одно и пустое светло

вся эта хриплая примесь песка в позолоте
жадный расплав чешуи языка в языке —
мира хоть каплю! и время вдохнуть в повороте
чайных стрекоз забывая трещать в кулаке

чур! это время моё отражаться в лиманах
щучьим сачком воровать по углам глубину:
чуешь? дрожат древовидные страшные мальвы
свежий побег выпуская царапать луну

1985 (?)

* * *

время терпко: тебя не промолвлю пока
обрастая налётом небесного мела
я ещё только свод немоты потолка
трилобитный початок соборного тела

время — сумрак и глина ребристых аркад:
снится холод под утро и буквы предела —
в голубиное крошево готики белой
замерзает твоя хрупколётная ка

потерпи! я вернусь говорить на века
всею тяжестью дней ударяясь о небо —
как растительно выгнуты здесь облака
и окрепшего воздуха выпучен невод

где растут имена как моллюски в садках —
стрекоза и печаль наша хрупкая небыль
что в крови шевельнётся сочащийся стебель
и отнимут рассудок цветы и река

10 июля 1984

* * *

какая сила в нас нежна
родные сны отнять у крика
увидеть руку гладить руку —
такая долгая наука
моим глазам в тебя открытым
твоим глазам обнажена

и собирая дни в разлуку
ты та же нежность но княжна —
взгляни! как низко мел безликий
вглядись в кольцо с плывущим бликом —
и видишь: беглая луна
в колодец валится без звука

и вижу: хрупкая жена
проходит створ черней харибды —
луна и сердце бьются в круглом
твердеет воздух от зарубок
и всюду каменная рыба
висит душой поражена

29 июля 1984

* * *

апрель до августа апрель во всём как дно —
так блекло холодно и больно повторяться
в излогах стен так мёртво бьёт в окно
сезаннова надломленность акаций

апрель до августа до зёрнышка во всём
похож на сон в котором страшно прикасаться
к пустым садам где свет кромсает всё
вращая в жижице чернеющие пальцы

и крутит в воздухе суставы сонных трав —
во всём задуманное — росчерк и ресница:
где желтизна прозрачная легла
в развилке дерева сойдутся наши лица

во всём от августа немножечко тепла
ещё от августа на взмах гортанной птицы
апрель до выстрела осеннего стекла
до неба лопнувшего где-то в поясице

1985 (?)

улисс I

я всё что сумею — число и булыжника пятку
и слово запомнить что улица долгий трамвай —
и легче меня уже в тамбурах жаркие прятки
но легче кричать в тошноту перестыков и свай

я ложками жрать и считать буду сонные взятки
скупых деревень чернотой утрамбованный край:
за всё что мы знали — крутые табачные снятки
нагар и тоска в позвонках поездов до утра

больным позвоночником день забывая едва
я чую во всём словно яблок звенящая мякоть
и всё что я знаю о крови — на книгах смола
и грубой смолой насекомые буквы примяты

сам буква и слух я пугливо привязан к словам —
так глухо срстаются хрящики с памятью страха
а воздух а воздух доверчив когда пополам
земля и земля на меня разбегается ахнуть

* * *

возьми мой день какой он есть —
соцветье случая и дыма —
под коркой пепельного клина
теплится будущая весть
и осыпается как глина

и осень сыпется с небес
и всё небесное донине —
пустое здесь пустое имя —
бумажный тлеющий зевес

то речи выгоревший срез
то слова всплывшая крупца —
смотри — в стекле повисшем здесь

и день свивающийся весь
и света цепкая больница

5-6 августа 1984

* * *

вот осень, ангел, день какой уже
ни всадника ни зги в её прицеле
ни сгусточка в сплошном туманном теле —
дышу в стекло живу в стекле в душе
в двойных крестах пометок: осень день —
который год который год застрелит
сорвав кольцо рванув затвор на зверя
храпящего в снегу в душе везде....

в душе в снегу охотники и сквозь
костры и лай — весь мир в утробной сфере
где крепкий сруб где дымный корень вереск —
он под рукой изогнутая трость
легко дырявит кальку дальних рек
как пуповину свившуюся делит:
вот край повис вот лист скользит неделю —
вот-вот и осень, ангел, воля, век

1985 (?)

* * *

ещё наша судьба в круглосуточном говоре клеток
в шуме крови и чисел в двойных погремушках часов
как в чужой толчее уцепившись хотя бы за лепет
телеграфную спешку касаний тянуть между слов

дневниковые соты растут и сплетаются ветви
в этом клеточном сговоре времени с шелестом снов —
закольцованный кровью колотится воздух в просветах
и тарашится сердце из голой грудины лесов

как на смерть замирает листва — отворите мне веко!
ещё наша судьба разомкнуть на запястьях число
пока осень играет в разломах цветущего света
в призматических сумерках твердорастущих как соль

умирает листва как пехота последнего ветра
где в развалинах зрения мир и язык невесом
где ресничный букварь повисая на кромках ответов
заусеницы смысла срезает как цвет с голосов

1984

улисс 2

я числа забуду их мерную чёрствую хватку
как ворох больничный отбросив и косный словарь
и карцерный шорох часов намерзающий в кладку
девятого пепла последнего космоса зла

девятого холода циркуль зацепит сетчатку
вскрывая зубастый живот пустотелого льва —
по шлемам гремящим над сомкнутой дробью брусчатки
в висок примеряясь царапнет и станет листва

ни крови ни звона — один только свет в головах:
коснусь и пойду у щеки у ресницы у складки —
ах, город — щемящая лапа на каменных швах!
пойми наши плечи срослись эти щуплые латы

проснёмся что август рыбёшка колотит в асфальт
что ртутью налиты ладони гремучего мака
что море кругом что такая, что т а ж е трава —
всё в слово вплывая вплывая в утробу итаку

* * *

научи меня, август, морочить погоню,
выбирая тропу в муравьиную сеть, —
в капиллярную мглу, сквозь дозорную цепь
кроветворных осок и височных смородин, —
по молочным кругам уводи меня к броду,
где в тумане и лай захлебнётся висеть.

ангел, родинка, свет, — им уже не прочесть,
я сыпучие буквы растряс, перепутал, —
дно откроется днём — нам останется купол,
но опасней, древесней коня и небес
он под утро во всём, где озноб, где он весь:
так укрой — покоряя, карай, — но укутай...

видишь — это туман, перепаханный в корень,
прорастает шпильястыми стрелками в день,
черепичные почки разбухли в воде —
но от каменной кроны к подножью колонны
три окна тишины, три зверинца кухонных
и ещё три проёма зерну долететь, —

где, дрожащая, в почве лежит моя тень,
где волнуется семя в родительном стоне, —
в тишине, в перепончатой мгле, в пустоте,
исчезая в тебе, оставаясь везде, —
я забыл тебя, август мой, я тебя помню

«золушка» и другие стихотворения

Стихотворения сентября-октября 1988 г.

магистрал

пейзаж змееносен, зловиден, порочен, —
в границах своих изумительно прочен,
излишнюю жизнь пожирая не впрок:
избыточен полдень, немислима ночь и
скользит под намыленный густо шнурок
и воздух взимает, процентный подлог, —
душа! ты о смерти так громко хлопчешь,
а сдохнуть безмолвно — слабо, западло?

промасленный полдень; казённая арка;
тщедушные тени в развалинах парка, —
и венециангельских тварей биенье
над нищенской коркой, — консервная банка
пуста и вещает московское время.

душа! — ты хотела же всё без обмана?
чтоб утварью, агнцами полнилась рама
и в блёстках фольги одеянья волхвов, —
лубочный вертеп, а не волчая яма, —
и придурковатой колядки с лихвой
хватило б на мглу, на обрыдшую хворь:
бормочешь и куришь всю ночь — без обмана! —
бормочешь и время сверяешь с москвой...

московское время, засохшее время...
и вовсе не ангельских тварей кипенье
над нефлорентийской брусчаткой, — и арка

в зените гудит и окалины парка
в змеиную балку сползают с шипеньем.

пейзаж злонамерен, ленив, раскурочен,
и разум к утру так надёжно испорчен,
вплетая мишурную нить в рождество, —
но, видишь ли, — каждую, каждую ночью
у птичьего бога под чёрной листвой
так много очей просыпается, что
невольно — живёшь, дни послушно короче
послушно сыпаются в прорези штор.

* * *

не то чтобы сойти с ума, —
но выйти из дому хотя бы,
но вспомнить, горе, что октябрь, —
не то чтобы сойти с ума.

но: хочется считать дома,
аптеки, кабаки, — всё рядом,
всё родовой хранят порядок,
как зубы, книги, как обман, —
и год хранят, гудящий улей.

и, как солдат ушёл за пулей, —
она ведь пела и звала! —
душа скользнула — и дотла:
зола, залей, залай, зозуля,
завой, что долбаный полкан,
но не тверди треклятый номер —
чей номер? — паспорта? полка?
довольно, что с ума не сходит.

доволен князь, что он в походе,
земле довольно, что сама
влажнее слова и ума,
что пуля серебристо бродит, —
и что там лязгает: тюрьма?
или шарманка о свободе?
хватает слепоты, безродья, —
не то чтобы сойти с ума.

* * *

достойная грязи пора,
ноябрь минутных уныний, —
непохмелённый с утра,
я к вечеру снова в дымину.

да, впрочем, страна пролегла
меж дымом и домом — без края:
помарки слепых телеграмм,
арго телефонного лая,
чуть сладкая, наглая тьма.

уже не увидеть, не вижу, —
уже насовсем уводи, —
в больницы, окопы, парижи,
в пролёт между «ждите» и «жди!»,
в кисельную, раннюю жижу:
ну что, мой транзитный, притих?
здесь нет проводниц-эвридик,
здесь небо — натужная грыжа:
достаточно ткнуть — и дожди.

хоть рубль бы кто одолжил:
достаточен день для подпитья! —
пейзаж недостоин наитья, —
но, боже мой, где бы ты жил?

* * *

да, я живу всё больше невпопад,
но языку ещё доступно благо
пролепетать: вот яблоко... вот влага...
и повторить: где осень — там я рад.

ну, нищий, да, — преступнейшая радость!
и каторжная тяжесть по ночам,
и слово, что теплее, чем очаг,
и мысль, что не достанется врачам, —
и всё, мой ангел, всё, что раньше ада.

немеют жернова, спешит рука —
пора, пора прощать уже на слове, —
спешит рука, всё легче быть не внове,
в коробке света спит уставший ка —
и век шуршит тихонечко, по-вдовьи.

и, кажется, могла бы быть река
в багровой, шелушащейся основе
всех стрыйских парков, всех царапин львова:
убогому берега нужней, чем совесть, —
дома текут, плывёт трамвай в рукав,
и шпильки плавают по небу и по крови, —
но здесь должна, должна была река...

люблю волну, люблю её дыханье,
но знаю, что любовью движет ад, —

.....
со дна, где каждый рядом спящий — брат, —
я говорю: лови меня в прицеле,
я говорю: мой день, охотник мой....

* * *

мне достаточно кайфа — на сегодня и дальше —
и тем более, зная, что где-то похмелье, —
хорошо, просчитал, хорошо, пусть бездельник:
всё равно не хочу и не чувствую фальши.

и в узорах обоев для меня нет упрёка, —
заливающий свет зря наполнит их жизнью:
чёрно-белая тварь, шахматистый зверёк мой,
не грызи же меня, не ищи механизма.

ты пойми, я рождён от сожжённого бога —
от слепой сигареты и вечного мата,
мне что папа — фрэнк заппа, что — ругань с порога,
всё милее повестки из военкомата.

ой, стеклянная дура, надэкранное солнце, —
всё ты черишь ходами червлёных ладей
и тенями статистов, речей, комсомольцев, —
и колодами звёзд, и трефями блядей.

мне достаточно кайфа — что со дна, что с экрана —
и ночной сигареты взлёта диагональю:
мне достаточно куцего слова с утра, но
хватит и умолчанья в расхожем финале.

* * *

чтоб только м а м а ш и л а м ы л о —
и жизнь сквозь азбуку течёт:
что знал задумчивый крючок,
что буква бедная любила?

а то, что м а м а м о ч и т м а ш у,
или совсем наоборот,
и то, что п а п е с в е т я т н а р ы, —
родная речь, навечно наша,
в стихи вмещающая свару, —
весь коммунальный разворот.

певец крысиного стакана,
молчун законного жилья, —
гляди, как водка льётся, гля, —
но только поровну лия,
иначе будет страшно странно.

никто не покоробил, и
всё то, что дождик окропил, —
к утру приглажено морозом;
так: молча водку я допил,
покуда т и м а д е л а л р о з у.

* * *

мой близнец, божевольная золушка, —
в пепле губы, в крови ли рукав, —
ни на убыль, ни, горе, ни в прошлое
не исходишь, — заложница, зёрнышко
в недозволенной мгле языка —
время терпко, — и то: не тревожь его,
однокровный, родной мой ахав, —
сколько можно уютжить подошвами,
излечимы ли наши срока?

нет, не устричный мрак чудака
и не пушкинский бред о психушке, —
просто страх перед ухнувшей двушкой
и молчанием — наверняка:
просто страх перед ржавой копейкой.

жизнь, как жизнь: то ли рыжею кепкой,
то ли клёвым словечком «жакан»
враз кишки обнажит, — ну, аркань, —
жбан поставлю! — шарахни, но метко,
ты же знаешь, я сильно учён, —
мне что двушка, что вышка, что пёрышко, —
только чтоб не молчал телефон,
только бы не молчал телефон,
мой близнец, божевольная золушка.

* * *

так вот:

когда прохладного меня
червяк, настырный, как свинья,
дожрёт и пальчики обгложет,
я стану конь или вода, —
что в принципе одно и то же, —
и буду спать до горизонта
или бежать его всегда:
но это будет не сегодня.

а значит:

в сегодняшнем нужнее зонтик
и мысль о том, что нужно помнить
как не забыть бы что-то вроде
того, что мне уже не вспомнить, —
и полдень, сам как аризона.

итак:

картина смерти не важна, —
нужнее малая причина
посредством смерти думать на
предмет ещё — существования:
и, видит море, мне едино —
быть божеством или желаньем,
листвой, колодником, — да хоть
свечой, забывшей всё на свете.

всё ясно:

все умрут, и дети

все станут — кто пыльца, кто ветер, —
а я, спокойный весь такой,

дай пораскину, — что, мол, светит,
что за срока до пышных хвой,
прикину, — до знамён и сплетен.
затем:

вполне достаточно отметин.
сейчас я говорил с тобой,
как если б говорил с тобой, —
но смутно, смутно, словно бы
язык божественных увечий,
как плачущий вселился бык, —
не различая части речи,
размыв словарь и смысл, что был:
довольно.

А ВОЗДУХ ДОВЕРЧИВ

Писатель Олег Юрьев в статье «О поэтах как рыбах» категорически заявил, что во Львов как в отдельное культурное явление не верит, а местных авторов в лице Сергея Дмитровского (1961–2006) и Гоши (Игоря) Буренина и вовсе называет «невеликими рыбками», которые «отважно заплыли в какие-то страшные каналы и водохранилища, наглотались ядовитой воды, ободрали бока и серебристые спинки, но не нашли дороги назад... никуда не нашли дороги...»¹. Дескать, мало ли крохотных несмышлёных рыбок плещется, а потом идёт ко дну в мутных водах где-то там на задворках Европы; да и река Полтва в тех краях прячется именно под землёй — это вам не «Невы державное течение».

Что ж, можно согласиться с мыслью о ненайденной дороге. Их имена действительно не на слуху: и Дмитровский, и Буренин так и остались легендами только для тех, кто жил во Львове и Ростове в 1980–1990-е и знал их лично. И уж конечно, с современной точки зрения вышеуказанные авторы никак не вписываются в концепцию медийности, где поэт становится брендом, а значимость фигуры исчисляется количеством лайков и фолловеров, сочинённых мемов и сделанных репостов. Судите сами: единственный сборник стихотворений Гоши под названием «луна луна» вышел только после его смерти небольшим, чуть более 100 экземпляров, тиражом. «Вероятность того, что эта книга изменит мир к лучшему, близка к нулю. Но без этой книги такой вероятности не будет вовсе», — честно предупре-

¹ Юрьев О. О книге Евгения Хорвата // Сайт «Новая камера хранения» [Электронный ресурс]. URL: http://www.newkamera.de/blogs/oleg_jurjew/?p=209

дил потенциального читателя друг и издатель Буренина Борис Бергер (увы, ныне тоже покойный) в статье «Гоша Буренин»².

Или вот ещё один характерный штрих к портрету человека другой эпохи: незадолго до смерти Гошу пригласили на радио читать стихи, но тот отказался — оцените скромность! — сославшись на свою картавость. А теперь представьте себе такую ситуацию сейчас! Кто бы отказался, застеснявшись какой-то там картавостью?

Ещё сложнее (да и незачем) пытаться мысленно вмонтировать Гошу Буренина в современные реалии: скажем, читающего в сториз — как это ныне принято — свои стихи: «мой близнец, божевольная золушка, — / в пепле губы, в крови ли рукав». Нет, представить такое невозможно. И Гоша Буренин, и Сергей Дмитриовский принадлежат другой эпохе, где поэты дрались на дуэлях, уходили покорять Карпаты и «знали весь Серебряный век на память»³, как вспоминает на страницах журнала «Знамя» Марина Курсанова, львовский поэт, бард и непосредственный очевидец тех событий. Будто и не было в том мифологизированном эстетском мире никаких комсоргов, партсобраний и лекций по марксизму-ленинизму. Только кофе в «Нектаре» или «Армянке» — львовском близнеце ленинградского «Сайгона» — дряхлые маскароны, вечно спящий лев у Пороховой башни, смешение языков, культур, готики, модерна и Ренессанса.

Гоша Буренин непродолжительное время жил в Ленинграде, а последние годы провёл в Ростове, но всё-таки именно Львов стал одним из главных мест в его творческой судьбе. Здесь он окончил архитектурный факультет политехнического института, женился на Оксане Данилюк⁴ и начал писать стихи — любопытно, что именно с подачи своего друга и соперника Сергея Дмитриовского. Город проявляется в творчестве Буренина конкретными локациями («всех стрыйских парков⁵, всех царапин

² Бергер Б. Гоша Буренин // Сайт «Проза.ру» [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2010/05/24/1393>

³ Курсанова М. Птенцы летят следом // «Знамя», 2003, № 6. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=2041>

⁴ Далее фигурирует как Ксения Агалли.

⁵ Стрыйский парк (*укр. Стрийський парк*) — один из старейших и живописнейших парков Львова.

львова»), но — неявно, уже без наименований — «и, кажется, могла бы быть река» и «в двуязычном граничном тумане — / связь кровей в известковом дурмане» — это, конечно, о нём же. Правда, «в трёхязычном» было бы ещё вернее (но поэту виднее!): несмотря на то, что и Буренин, и Дмитровский писали только на русском, они прекрасно владели украинским и польским, читая в оригинале как классиков (Константы Галчинского и Юлиана Тувима), так и польскую периодику. А Гоша, по воспоминаниям Ксении Агалли, первой жены Буренина и хранителя текстов обоих поэтов, ещё и увлекался польской рок-музыкой⁶.

Не только богатый мультикультурный ландшафт города, но и профессия Буренина — тот был талантливым, нестандартно мыслящим архитектором и художником — наложили особый отпечаток на его творчество. «Стихотворения Гоши гораздо более архитектурны (по сравнению с Дмитровским. — В. М.) — без завитушек, стрельчатые и прозрачные», — так характеризует их Ксения Агалли⁷. В творчестве Буренина действительно много рельефных, пластичных, живописных образов: «глина ребристых аркад», «подножье колонны», «шпилястые стрелки», «нефлорентийская брусчатка», «трилобитный початок соборного тела», «сезаннова надломленность акаций», «голубиное крошево готики белой», «черепичные почки». Подобно акмеистам, поэт увлекается предметностью, структурой вещей: тут и «вязкая спелость инжира», и «яблок звенящая мякоть», и «чешуйчатый бок геленджикского дна», и «нежная корочка века», — есть в них что-то мандельштамовское. И не только в этой многокрасочной вещности, но и в пресловутой тоске по мировой культуре. А что такое «голубиное крошево готики белой», как не проявление этой самой тоски?

Впрочем, интертекстуальная связь с Мандельштамом у Буренина не столь сильна, в отличие от пересечений с неподцензурным ленинградским поэтом Леонидом Аронзоном, высоко ценимым как Бурениным, так и Дмитровским. Прочитываем литературоведа Александра Степанова («Главы о поэтике Леонида Аронсона», 2010): «...когда “все кругом” модерни-

⁶ Из личной беседы с Ксенией в 2012 году.

⁷ Оттуда же.

сты, тогда новой, необычной начинает казаться именно традиционность. Таким образом традиционность и новаторство могут “меняться местами”, а иногда выступать вместе, единым фронтом, объединяя авангард с традиционной поэзией. Так, Аронзон пишет иронические сонеты, в нормативно-привычную лексику вторгаются “низкие”, уличные слова, во многих зрелых стихах присутствуют “невозможные” для прежней поэтики приёмы: перечисление несходного (“отдайся мне во всех садах и падежах”), наличие “лишних” слогов в слове (“одиночества стыд”), неологизмы (“богоуханна”), тавтологии, необычные метафоры и т. д.»⁸. Всё это в той или иной степени характерно и для творчества Гоши Буренина.

В его текстах наравне с классической ритмикой и образностью гармонично сосуществуют тавтологические сочетания («а воздух а воздух доверчив когда пополам / земля и земля на меня разбегается ахнуть», «увидеть руку гладить руку» и т. д.), неологизмы (не Рождество, а «рожденство», не Вифлеемская, а «вифлемская» звезда), паронимы («брусчаткой бредишь и бредёшь»), причудливые сюрреалистические мотивы («овечий клок в хурме пасётся»). Поэт активно включает в свои стихотворения многосоставные эпитеты: так, твари у него становятся «венециангельскими», «золушка» (именно так, с маленькой буквы) — «божевольной», а слог «ка» меняет род на женский и становится «хрупколётной». Буренин часто нарушает привычные синтаксические и пунктуационные связи, отказываясь от заглавных букв, знаков препинания и причудливо миксуя члены предложения. «Я сыпучие буквы растряс, перепутал», — говорит поэт. «Не различая части речи, / размыв словарь и смысл, что был», — пишет он в другом стихотворении. Эта дробность, размытость характерна и для поэтики Сергея Дмитриевского, ближайшего друга Буренина. Кроме того, оба автора предпочитают ирреальную модальность, увлекаются языковой эклектикой и сновидческими образами. У Дмитриевского даже «сон в отдалении спит», у Буренина — «ещё не семя я — но сон», «сонный цвет», «выпуклый сон»

⁸ Степанов А. Главы о поэтике Леонида Аронзона // «Старые/новые шестидесятые». СПб.: Юолукка, 2010; [Электронный ресурс]. URL: http://thelib.ru/books/stepanov_a/glavy_o_poetike_leonida_aronzona-read-2.html

и множество других метафор и эпитетов, связанных с грёзами. «Мы проснёмся: но — когда? / вечер, бабочка, вода...», — вопрошает его лирический герой, который впоследствии действительно просыпается (но об этом чуть позже).

Помимо сна, обоих поэтов увлекает образ сада. Здесь опять прослеживается связь с поэтикой Аронсона, который также часто использует этот элемент поэтического ландшафта. Обратимся ещё раз к «Главам о поэтике Леонида Аронсона»: «"Мир души" поэта пейзажен, мало того, по своим чертам он напоминает сад. "Сад" Аронсона нерукотворен, однако от неухоженной природы его отличает величественный гармонический порядок»⁹. Сад у Дмитровского и Буренина — не столько конкретный природный объект, сколько зашифрованный идеальный образ, где лирический герой предаётся грёзам (и наркотическим в том числе). Каких только садов нет в их текстах: и «пустые», и «разбухшие», и «бесконечные»! Кстати, сад — это не только тот самый мифологизированный объект, но и одна из граней личности самого Дмитровского, который и подписывался как С. А. Д., то есть Сергей Александрович Дмитровский.

*ты в складках дня и в стёклах ветра
земля в обводах колеса
где подобающее лето
подаришь — бесконечный сад! —
свои бинтованные слепки
снимая с выпуклого сна*

— так выглядит фрагмент посвящения Дмитровскому, который так и называется — «брынь¹⁰ — саду». Здесь и сны, и сады — всё сплетается воедино, уводя нас как можно дальше от реальности.

Любопытно, что не менее причудливо выглядят у Буренина (впрочем, как и у Дмитровского) представители флоры и фа-

⁹ Там же.

¹⁰ «Брынь» — так Буренин подписывал свои художественные работы: «Brin's pin'x», «нарисовано Брынем» (pinxit — «окрашенный»), потом это перешло в подпись под некоторыми стихотворениями.

уны: «где растут имена как моллюски в садках — / стрекоза и печаль наша хрупкая небыль», «оса мой свет — наш сонный склон цветёт...». И опять — кругом морок, ирреальные создания и невыносимая хрупкость бытия. И вот ещё один любопытный пример: поэт называет крыжовник «уголовным, / столь понятным для ежа», — такая обэриутская формулировка. Кстати, ОБЭРИУ безусловно повлияли и на Дмитровского, и на Буренина. В ленинградский период жизни у них появился доступ к архивам Михаила Мейлаха, получившего от Якова Друскина чудом уцелевшие рукописи Хармса и Введенского.

Впрочем, несмотря на общность — и жизненную, и творческую — поэтический мир Дмитровского всё-таки более эскапистский. Недаром он пишет: «...времени как нет, / оно одно матерчатое сито»; черты реального мира в его текстах редуцированы, как будто с тем же успехом такие стихи могли быть написаны и в начале, и в середине XX века. И совсем иную картину мы наблюдаем у Буренина, но — справедливости ради — не сразу, а после 1987 года, когда поэт уже жил в Ростове. Тональность меняется, лирический герой как будто просыпается, и в его красивый сновидческий мир вторгаются дисгармоничные реалии современной жизни: вместо вымышленных садов и населявших их диковинных созданий появляются «комсомольцы», и «мама», которая «мочит машу», и «папа», которому «светят нары», и «повестка из военкомата», и заевший на бесконечном гереат'е мотив тяжёлого похмелья. Неприглядные картины маргинального бытия теперь обрамляются ненормативной лексикой, просторечиями, жаргоном и сленгом: «сдохнуть», «слабо», «западло», «придурковатый», «обрыдшая», «б.ди», «сука», «козлы», «шарахни», «раскурочен». «Жить в эпоху свершений, имея возвышенный нрав, / к сожалению, трудно», — скажет Бродский. В отношении поэтов я бы чуть перефразировала: иметь возвышенный *слог* в эпоху свершений ещё труднее. Так что — стоит ли удивляться столь разительным переменам?

В одном из своих последних набросков в 1990-е Гоша Буренин напишет: «Море — едино. Страна, безголовая туша, / всё же шевелится: я никуда не спешу». Ёмкая метафора для распадающейся империи, в которой наши поэты

и близкие им люди в одночасье оказались жителями разных государств — России и Украины, а затем и эмигрантами в Германии (как Борис Бергер), в Израиле (как Ксения Агалли, Сергей Дмитровский) и других странах. «Украина стала отделяться, денег не было уже вовсе, и ездить стало невозможно. Я помню один из своих последних приездов в Ростов: не было сахара и чая в магазинах, мы покупали какое-то нечеловеческое повидло и чай азербайджанский, это были помои. Это потом длилось долго», — вспоминала о том непростом периоде Ксения Агалли¹¹.

Поэтическое мироощущение Гоши Буренина с годами становится ещё более трагическим. Например, в последнем стихотворении сборника «луна луна» мы находим такие пугающе безысходные строки:

*так вот:
когда прохладного меня
червяк, настырный, как свинья,
дожрёт и пальчики обгложет,
я стану конь или вода, —
что в принципе одно и то же*

<...>

Кстати, эту отличительную особенность с предвкушением трагического финала метко сформулировала Светлана Анохина, подруга Буренина, Агалли и Дмитровского: «Гоша был в чём-то глубже, я бы сказала — страшнее, по степени воздействия на ту же меня. И безнадежнее, чем Серёжка, который всё-таки и ангелов, в небе крылья распроставших, и сонет, скорчившийся на травке, и курочку, пусть с отбитой головой, но всё же видел. Разделял. А Гошины стихи меня пугали...»¹².

Гоша Буренин умер в 1995 году от цирроза печени, чуть позже скончалась его вторая жена Марина. У поэта не было детей,

¹¹ Из письма автору статьи от 20.02.2010.

¹² Из письма автору статьи от 4.10.2009.

родители также умерли (мать, Роза Соломоновна, во Львове, отец, Юрий Петрович, в Ленинграде), никаких других сведений о родственниках у нас, к сожалению, нет. А вот как вспоминает о смерти Гоши сценарист, писатель и ростовский друг Буренина Максим Белозор в книге «Волшебная страна»: «Гоша был гармоническим человеком: писал стихи, рисовал, шутил. После гармонических людей, как правило, ничего не остаётся. И от Гоши ничего не осталось. Только память. <...> Гошина могила на Северном кладбище в Ростове — пример отчаянной бренности бытия: едва различимый в бурьяне холмик у самой дороги, по соседству с мусорной кучей, в ряду безликих бугорков с табличками “Неизвестный мужчина”»¹³.

Что ж, казалось бы, финал трагичен и на этом пора ставить точку. Но как тут не вспомнить пусть и растиражированную, но всё же по-прежнему актуальную воландовскую фразу о том, что «рукописи не горят»! Всё написанное, спрятанное, текущее где-то там в подземных реках западных окраин несуществующей империи рано или поздно находит своего читателя — пусть и в книге тиражом чуть более 100 экземпляров. И, несмотря на весь свой пессимизм, Гоша Буренин тоже понимал, что найдёт своё место в литературе. Ведь о чём же ещё, как не о вечности, вот эти, пожалуй, мои самые любимые строки:

*потерпи! я вернусь говорить на века
всею тяжестью дней ударяясь о небо —
как растительно выгнуты здесь облака
и окрепшего воздуха выпучен невод*

Мы потерпели и дождались. Спасибо, Гоша.

¹³ Белозор М. Волшебная страна. — СПб: Красный матрос, 2017 // URL: <https://rostov-80-90.livejournal.com/9901.html>

СТИЛЬ СТИЛЕЙ

Архитектор Гоша Буренин, по праву прописки, несомненно, принадлежащий ко львовской поэтической школе, учил меня жизни, говоря так: Львов как город устроен и построен строго как попало. Это самая что ни на есть эклектика в чистом виде, и аналогов в мире не предусмотрено, Львов в этом смысле первый, последний и единственный. Тут есть всё — круглые башни и позвоночная готика, точёный крестец рыночной площади, блаженный белопенный лычаков¹, кафедра², боймы³, азия жарких кофеен⁴ — и оно есть всюду и одновременно. И это всё обнимает само себя и своих соседей, нас и вас, трудолюбивых горожан, собирающих в житницы, — и вместе с ними птиц небесных, ничем таким не замораживающихся. И всем город приходится впору, всех оболлакивает по мерке, нигде не жмёт и не оттопыривается. Свиристит сразу во все дудки, поёт на всех языках. Музыкальная шкатулка с секретом — а в ней погремушка с загадкой, а внутри — наша жизнь

¹ Лычаков — историческая местность во Львове. По имени местности назван административный Лычаковский район, Лычаковское кладбище, Лычаковский парк, улицы Лычаковская и Станция Лычаков. Говоря «Лычаков», львовяне чаще всего имеют в виду именно кладбище, очень живописное, одно из красивейших в Европе; любимейшее место прогулок.

² «Латинська катэдра» является главным храмом римо-католиков во Львове и (по некоторым версиям, единственным) настоящим готическим сооружением.

³ Часовня Боймов — памятник львовской архитектуры. Была выстроена архитектором и скульптором А. Бемером как склеп в 1609–1617 (по другим данным, между 1609 и 1615 годами) для купеческой семьи Боимов.

⁴ Цитата из стихотворения Сергея Дмитриевского.

с сюрпризом. И потому вокруг нас не простое и вульгарное смешение лоскутков в кастрюле с крошкой — нет, это настоящая Высокая Эkleктика, благодатная и благоуханная южная избыточность, неповторимый Стиль Стилей.

Поэтому так.

Выходите в город. По дороге задержите голову и уже не опускайте её, а только вертите туда и сюда. Пусть вас ведут под руки друзья и родственники, секретари, поводыри и специально нанятые курьеры. Ходите так всю жизнь — ну ладно, год, ну ладно, месяц, и тогда вы поймёте, что такое львовская поэтическая школа.

ещё немного

*Стихотворения Игоря Буренина разных лет,
не вошедшие в сборник «луна луна»*

* * *

Здесь только мы
И столько тьмы
В зеркальной глубине воды
И дым над нами
И сады
И только...
Чуть горькая была еда
И та
Исчезла только зля
А зря
Так далеко земля
Вот только...
А большего иметь нельзя.

Январь (?) 1981

* * *

Не было более глупого места,
чем этот город,
живущий навыворот.
Плачет невеста.
Ледышка — за ворот.
Или за шиворот, если хотите.
Не было радости в нашей обители
более сна,
да и тот понапрасну.
Осень обидела.
Где-то — весна.
Книга опасна событием боли.
Не было книги, зачитанной более
нашего зеркала, —
что там искалось?
То ли в неволе
солнце померкло,
то ли смеркалось давно на дворе...

1982

ПЕРЕХОД

I

Овалы вод смыкают горизонт,
рассеяв дымку к ночи —
пядь за пядью.
Притихшие —
предчувствием, грозой,
мерцают светлой, шелковистой гладью.
Всплеск молнии —
дрожащий иероглиф.
Дурманит духота и страх —
не страх,
но смутное сомнение в природе
теней и звуков.
Плавная искра
петляет по лесу не разгораясь,
пока, оранжевея, лес лохматит
закат,
но близится, углы срезая,
и вырастает в каждом взмахе...
Густеет, проступая, непрозрачность.
В зеркальном чреве накрепко пленив
упавшего небесного скитальца,
озёра медленно смыкаются над ним...

II

Овалы вод смыкают горизонт
неспешно, к ночи —
пядь за пядью,
пластаются, как будто пред грозой,
мерцая, чуть не шелковистой, гладью.
Луну ещё не вывесили
вроде —
дурманит духота и страх,
не страх,
но сонное сомнение в природе
вещей и звуков.
Плавная искра
петляет по лесу не разгораясь,
пока, оранжевея, лес лохматит
закат,
и близится, углы срезая,
и издевается уже, хохмачит...
Да воздух обретает непрозрачность,
в зеркальном чреве накрепко пленив
упавшего небесного скитальца.
Овалы вод смыкаются над ним...

21 января 1982

* * *

День до ночи избалован —
на клеёнчатом склоне
он казался опаловым,
непрерывным почти.
Телефонные, гулкие,
но седые грачи
скачут ситными булками
от запястья к ладони.
Там, где мы бы попадали.

Удостоены малого,
мы срывались: на возглас — по зайцу.
Склон казался опаловым.
День уже не казался.

28 декабря 1981

* * *

От тёплых крыш, зонтов, ленивых тентов
нырнуть в дожди, протяять в решето
сливных колодцев, просочиться в сток
путём Воды, — в морщинках континентов
блеснув, пройти к убежищу Воды.

Путём Сардин, Кальмаров, Латимерий,
путём Креветок, Фосфорных Бактерий
проплыть на юг и там, проплавив льды,
Тюленьи Ласты протащить по снегу.

Схвативши хвост любой из Снежных Птиц,
взметелить сны порхающих сестриц,
порочить клюв, нацелившись на Вегу, —
путём Звезды в Молочном утонуть...

.....
Простой каймой над сумеречным полем
мой Путь Путей: в его дрожащей воле
меня найти, и под меня нырнуть.

IN MANUS

«В руки [твои] предавая свой дух»...
Колокол.

Пел, кувыряясь в дожде,
пил, удивляя тоской молодух
и отдаваясь им в малой нужде,
полуголодный...

Раскисший /весна!/
листьев покров ковырял, заложив
за спину руки — почти арестант.
Руки — прозрачные: чем только жив?
Шлёпал в охотку по лужам,
ещё
ждал с увядавшим букетом надежд
/прежде не вяли, но прежде — не в счёт/
должный вот-вот показаться кортеж, —
с ходу влететь, подхватить и немедля,
свиту оставив, резвиться в саду,
скрыться — по слякоти след незаметен.
«В руки [её] предавая свой дух»...

1982

* * *

Тебе созвучен, Ангел мой,
Природы первозданный строй, —

Где, словно эхо в древних сводах,
Дробится свет на плавных водах
Не проникая в глубину

Не проникая в глубину
Где губы рыб как будто знак
И мрак — скорей голубизна
В трёх отражениях — испуг
Столкнувшихся губами вдруг
Не нарушает тишины

Не нарушая тишины
В плену зеркальных отражений
Скользят изменчивые тени
Над золотистой картой дна
Летят стремительно без сна
Ни в чём себя не повторяя

Ни в чём себя не повторяя
В невозмутимый строй природы
Гармонию вдыхают воды.

Мой Ангел, мой, — и ты роса
Моя, вода моя, — слеза...

1981

РЭГТАЙМ

Дождь богомолец, набожный, бормочет...
Порой красивы, но наскучат скоро
его псалмы...

...Исход часов неточен:
фигурки в танце сложного узора,
а не тепло, обещанное к ночи,
прозрачная рука дождя привносит,
застыв на миг...
закрученный на осень,
разорванный — на два, на три, на много —
смыкаю время, потеряв тебя:
ты где, где мы?
И вижу только — долго
по небу ангелы гуськом летят,
к тебе,
но всё-таки, в конечном, к Богу, —
под ними — мир...

1982

* * *

И эти, в проклятиях лета,
могильные главы камней,
и пепел дорожный, и этот
ветвистый орешника нерв, —
люблю, как люблю, оперевшись
о стёртую тёмность перил,
подслушать вечернюю в речке
нелепую проповедь Рыб.

15 июня 1983

* * *

Тронул паромщик воду,
тихо смеётся: «Стикс...»
Дни покатались к холоду.

Дни потянулись — до одури
терпким вязанием спиц
на колесницах детских,
парками, полными к полудню,
и сиротливо-дерзкими
в ночь, кровотока лист, —
дни протянулись тошно...

К праздникам, для народа
ловкий спешил художник
запечатлеть на холст
немного мёртвой природы, —
не обязательно птиц,
но, непременно, — легко.

1982

САДУ

Даруя малость от чудес —
три строчки и лису ручную —
проходит осень не врачуя
сквозь влажный обмелевший лес.

Кленовых мельниц-словоблудниц
захваты разделяют прядь
на капли, — и роняют с блюдец
ночами в мокрую пестрядь,
в медвежий ворс цветов последних...

Кольчужа срезы влажной медью,
слабеет дальняя супруга,
вбирая жадно дни до круга.

1982

* * *

Бесконечной кажется река.
Беспросветно небо этой глади.
Плеск весла растаял где-то сзади.
Ни души вокруг, ни островка.

Лето растекается в тетради.
Непрерывно движется рука.
Нервный лёт пустого мотылька
кажется размазанным на слайде.

Кажется, потом — у огонька
говорили, отдохнув от кладки.
Голос то коснётся, то осядет.
Мотылёк... Огонь... Река... Рука.

27–28 декабря 1981

* * *

Предгрозовой цитатный круг:
То полусвет, то перестук, —
часов почти цикадный звук
обманом проникает в слух...

Но сухо, сухо, — до костей.
Жду одиночества, гостей,
чего-нибудь, пожара, двух, —
и, близорукий хан степей,
глаза сужаю для вестей,
что гонит грозовой пастух...

Куриль табак, ласкать зверей,
Бранить недавний свой недуг, —
пока ревёт, пока верней
гортанный хор вселенских дуг.

* * *

О!

Свистящий круг, но без дыханья
так хрупок звук.

Уже луна, уже темно, уже осколки.

И эхо. Эхо собирает терпеливо,
впотьмах по гулким закуткам — на диво,
на диво звонкие и белые иголки, —
застывший дух,
как будто двух, но без желанья...

* * *

Страсть вольницы, святая послушанья,
где шаг весомый строгих аксиом
тревожит сны, но охраняет Сон,
надёжную пространственность внушая, —

— а что до жён, то правишь Ты веслом, —
так древний пел: из пригоршни Тянь-Шаня
на вечер — снег. И день за днём — лишайник.
Игла следит шаги и цедит зло, —

— Адам, Адам! — расталкивая сгустки,
звенит, зовёт, корчюя выход в русло,
горячее, как царствие в Египте.

Так царствуй волею над страхом и невежей,
не вспоминая прежнюю обитель,
не обернись, — но, Боже, звёзды те же...

Сентябрь 1982

INTO THE LENS

I

На радужный край уменьшительной линзы
дорога покажет, отыщется мгла
для нас, унесённых оптической жизнью
за край, опрокинутых фокусом глаз
на Атлас Созвездий, в далёкую близость...

II

Преломлены стебли приподнятых лилий.
Вода, рассекая хрусталик в мостах,
засветится рисклой в сквозном объективе
реки: словно сияясь кувшинку достать,
печатаем лица на илистой глине...

III

В свекольной листве заморочливых ливней
до выстрела спит перепуганный рай, —
то шмель обнимает прохладную сливу,
то зеленью глаз отороченный край
дрожит, дозревая до звука и пыли.

Май 1983

* * *

Ещё шаг по стерне, ещё боль — от струны,
от дневной духоты неразбавлены сны
и крепки.

Жарь, скрипач, не ревнуй!

Пока пальцы крепки
и смычки, —

так нежны, в разогретом, лиловом ныряя,
золотистые лица жены, и до края
полны

жгучим злаком поля, и колодцы полны,
и полынь...

Пчёлы клейким поделаются воском:
выше, плотник, стропила, не бойся,
мой босой! —

где извёстка

замешана злостью босой,

там и соль —

отворённая в жилах венозная твердь...

Прочен дом, не одна в доме дверь,
не один

в поле воин, — вскричу, и, подумав,

«Один!» —

прошепчу.

1982

* * *

Мне осталось на голых камнях
исчислимое бремя печатей,
край судьбы до сих пор не початый,
бесконечно влекущий меня.

Я укрою его от лучей,
чтоб невысохшими письменами
утешались все те, кто над нами
разноцветную строят мечеть.

Но за символом век-сосунок
бьёт по листьям ладошкой горячей.
Словом сыну является зрячий,
сыном слову — простёртый у ног.

20 января 1982

СТАНСЫ /ЖАНР/

Собирая цветы, называй их: вот мальва! вот мак!

Л. Аронзон

Ныне, как некоторый мне подобный историк <...> оконча свой трудный подвиг, кладу перо и с грустию иду в мой сад...

А. Пушкин. «История села Горюхина»

I

Чьи сны — долги, чья кровь длиннее свитка
заветных вех коленчатой родни,
как свиста тень темней хлыста над Ликом, —
я каждой клетки выросший двойник,
впадая в ересь гибкого пространства,
свожу концы наследственной возни
в начале жизни сумеречных танцев,
в глубоком дне, где лишь костяк возник.

Нет, не возник — забрезжил, стал казаться...
И, полно, брат: сближение планет
есть мера сил в движении расстаться.
Какой дурман могучий от корней!
Я от рождения отвёрнут и разрознен
сетчаткой памяти, — и только на уме
голубоокий обморочный воздух
и степь, в прыжке подобная луне.

Луна легка хмельным плечом Орланда
часами стыть. Послушная зиме,

дочь пауз вечных, — будь она неладна! —
тьфу-тьфу, — бегу, бегу, распугивая змей,
за край времён, где пальмой бредит ландыш
и снег теплей, чем в будущей земле,
где, каждый шаг сопровождая морем,
мне голос ласковый: «Довольно весел ты,
довольно лёгок, в августовском вздоре
иглу роняя вглубь на три версты,
не прерываешь ни одной черты...»

Я говорю: «Вот яблоко... вот влага...»
Я говорю: «Где осень — там я рад».
Не удержавшись, добавляю: «Ангел!» —
как лесоруб, немножко невпопад
/но был же птицеловом первый авгур/.
Затем жара. Затем, что я ослеп,
веди меня туда, где кончил вечер
гадание по стеблям о числе
моих предметов. Завтра будет ветер,
рождающий деревья, кости, хлеб, —
Востока брат, роняющий умело
две капли в круг врачующего неба.

.....
Две капли в круг резвящейся, как мячик,
пустой Земли, — возникшей в Пустоте,
вгоняет свист, сближающийся с речью
в устах мальчишки гибкого, как те,
чьи сны —

II

И входят двое, — это как
провидца знание — конечно:
на клетке сшиблись и — «навечно!» —

зрачок в зрачок и — «на века!» —
дудеть.

И входят двое. Вечер.
Дуэльный танец: каждый рад
не перепутаться в кивках, —
и медлит... Набухают свечи
и, отекая, ждёт предплечье
и — опускается рука...

Пора, пора, — прощать уже на слове
спешит рука весь август за стеклом —
как столб янтарный, словно ртутный звон
булавок, застревающих в основе
багровой, шелушащейся, —

большой,
шуршащий век в коробке света...
Гербарий, погремушка, зуд, —
как флорентийская лазурь
черна игра твоя в ответы, —
мучитель сладкий, «да» и «нет»,
произведённые как сумма:
так прорицатель ловкий судит
и тянет время... пистолет
в руке надёжней, тяжелей,
но — опускается, пасуя...

В руке, немеющей под стяжками дуги, —
рука, несмелая в пустотах ставить имя...
Тосканец горький, в сомкнутой гордыне
ты ведал, как спрягаются круги, —
но как они врезаются — ты б видел! —
как, свистом раздавая грязь,
белеет хруст в мясистых срезах, —
обрывы леса среди леса, —
как божества висят, царя

над пауком, — как над богами
овидиозная тоска:
виденье дудки тростника
и льва в камнях... И запах гари
от государства, что без края...
Но то, что слышится, — Река...

.....

За то, что лес и камни говорливы, —
Вибрируют ряды цветочных гнёзд, —
И входят двое... Он уже вознёс
сверкающую руку выше ливня, —
Она в дождях и молится до звёзд...

1983–1984

* * *

*Клён! А присмотришься — неklen.
Неklen. А всё-таки клён...
Медной листвою облеплен,
Медлен и наклонён...*

Саша Соколов

за грозный паводок преддверья
за складки в сумерках коры
за обтекаемость травы
за нерасторженность деревьев —
держи меня ещё держи
как вдох как пульс покуда жив —
за родовую тяжесть ржи
за час, когда, точа ножи
с восточной поволокой взгляда
на паланкине паутин
вплывёт божок невозмутим:
О! барабаны где-то рядом! —
храни меня, ещё храни
не растеряй не оброни —
мне рано прорасти сквозь пни
мне долго шелестеть из книг
в наклоне длительной страницы:
ещё не семя я — но сон
я память что осенний шмон
моей дремотине всё снится! —
прости меня ещё прости:
ресница падает: грусти
ложится нежная! расти

но до грозы меня прости
за негрозу, за долгий склон
за час поры что всё же снится
сорочий веер, чья-то спица
собачий след в следах ворон
и за дворами мокрый лай —
держись, не отпусти, пускай!
захоронись, не отставай
ещё чуток не обрывай:
до первой капли удержи нас
за омываемость ветвей
за нерасторженность кровей
которая — нерасторжимость...

храни — храни
хранистобо, хранинасбо, хранининас

1986

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Шубинский. На дне языка 7

ЛУНА ЛУНА

«хлеб зацвёл; черствей шинели...»	14
«южнее речи — лень и блажь...»	15
«рыча в свечу летаю, обручая...»	16
«Я, приглашённый лесом полежать...»	17
«Не сон — отвязанная явь...»	18
«Я сказал: “нам присущая тяга...”»	19
«От пыльных рельефов, жары и вина...»	21
петрополь	
I. «когда по воде загудело заныло подводно...»	22
II. «немые скопища времён...»	23
«не еловника мажоры...»	24
«дождь и дождь: двоеликая нянька...»	25
«на дне языка в голубиных потёмках живого...»	26
«оса мой свет — наш сонный склон цветёт...»	27
«оса мой свет — наш сонный цвет густеет...»	28
«оса мой свет — наш сонный цвет склонён...»	29
«осень ранняя всегда...»	30
САДу («всё настоящее — терпко...»)	31
«зёрна в глине как память початка...»	32
«голод на ощупь — кожа...»	33
«успокойте дрожащее вече...»	34
«кто бы почуял? тогда и за чайную мерку...»	35
«время терпко: тебя не промолвлю пока...»	36
«какая сила в нас нежна...»	37
«апрель до августа апрель во всём как дно...»	38
улисс 1 («я всё что сумею — число и булыжника пятку...»)	39
«возьми мой день какой он есть...»	40
«вот осень, ангел, день какой уже...»	41
«ещё наша судьба в круглосуточном говоре клеток...»	42
улисс 2 («я числа забуду их мерную черствую хватку...»)	43
«научи меня, август, морочить погоню...»	44

«ЗОЛУШКА» И ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

магистрал («пейзаж змееносен, зловиден, порочен...»)	46
«не то чтобы сойти с ума...»	48
«достойная грязи пора...»	49
«да, я живу всё больше невпопад...»	50
«мне достаточно кайфа — на сегодня и дальше...»	52
«чтоб только м а м а ш и л а м ы л о...»	53
«мой близнец, божевольная золушка...»	54
«так вот: когда прохладного меня...»	55
<i>Валерия Морина. А воздух доверчив</i>	57
<i>Ксения Агалли. Стиль Стилей</i>	65

ЕЩЁ НЕМНОГО

«Здесь только мы...»	68
«Не было более глупого места...»	69
Переход	
I. «Овалы вод смыкают горизонт...»	70
II. «Овалы вод смыкают горизонт...»	71
«День до ночи избалован...»	72
«От тёплых крыш, зонтов, ленивых тентов...»	73
In manus	74
«Тебе созвучен, Ангел мой...»	75
Рэгтайм	76
«И эти, в проклятиях лета...»	77
«Тронул паромщик воду...»	78
САДу («Даруя малость от чудес...»)	79
«Бесконечной кажется река...»	80
«Предгрозовой цитатный круг...»	81
О! («Свистящий круг, но без дыханья...»)	82
«Страсть вольницы, святая послушанья...»	83
Into the lens	84
«Ещё шаг по стерне, ещё боль — от струны...»	85
«Мне осталось на голых камнях...»	86
Стансы /жанр/	
I. «Чьи сны — долги, чья кровь длиннее свитка...»	87
II. «И входят двое, — это как...»	88
«за грозный паводок преддверья...»	91

Проект «ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Антологии литературных чтений «Они ушли. Они остались»

1. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том I: 1990–2010-е) /**
Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, И. Б. Медведева,
В. В. Коркунов. — М.: «ЛитГОСТ», 2016. — 460 с.
2. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть I: 1970-е) /** Сос-
тавители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.:
«ЛитГОСТ», 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 388 с.
3. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть II: 1980-е) /** Сос-
тавители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин. — М.:
«ЛитГОСТ», 2019. — (Второе издание: 2020 г.) — 456 с.

Серия Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»

Редакционная коллегия:

Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, Н. В. Милешкин

1. **Владимир Полетаев**, «Прозрачный циферблат». — М.: «Лит-
ГОСТ», 2019. — 150 с.
2. **Михаил Фельдман**, «Ещё одно имя Богу». — М.: «ЛитГОСТ»,
2020. — 100 с.
3. **Алексей Сомов**, «Грубей и небесней». — М.: «ЛитГОСТ»,
2021. — 220 с.
4. **Гоша Буренин**, «луна луна и ещё немного». — М.: «Лит-
ГОСТ», 2021. — 96 с.

*Составители книги благодарят Георгия Трачука за финансовую по-
мощь изданию.*

Литературно-художественное издание

Книжная серия

Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались»

Гоша Буренин

луна луна и ещё немного

стихотворения

Технический редактор *Владимир Коркунов*

Редакторы *Борис Кутенков, Марк Перельман, Ксения Агалли*

Дизайн обложки *Илья Фарб*

Корректор *Марк Перельман*

Бумага офсетная
Гарнитура FavoritBookC
Тираж 1250 экз.

Подписано в печать 20.08.2021 г.

«ЛитГОСТ»
vk-84@mail.ru

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл.,
г. Старый Оскол,
Комсомольский пр-т, 73
kvadrat1998@gmail.com